

УДК 811

DOI <https://doi.org/10.24919/2308-4863/35-6-23>**Екатерина ШКИЛЬ,**
orcid.org/0000-0002-3967-9730аспірант
Института языкознания имени А. А. Потебни
Национальной академии наук Украины
(Киев, Украина) shkil_ekaterina@ukr.net**ОКСЮМОРОН КАК СПОСОБ ОТОБРАЖЕНИЯ
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ А. ФЕТА)**

В статье дано определение понятия «оксюморон». В исследовании ставится задача рассмотреть оксюморон как способ отображения индивидуально-авторского стиля А. Фета. Проанализированы и типологизированы конструкции с использованием оксюморона, формирующие индивидуально-авторский стиль А. Фета.

Идиостиль отражает языковую личность автора, художественное воспитание которого рисует индивидуальную картину мира при помощи индивидуального использования языка. Идиолектная личность представляет для исследователей особый интерес, в связи с чем понятие идиостиля как языкового средства реализации идиолектной личности находится в центре интереса лингвистов.

Установлено, что оксюморон, как всякий троп, обладает сложной структурой, в которую наряду с внешне выраженными языковыми единицами входит элемент построения выразительного смысла, возникающий вследствие одновременного проявления отношений контраста и тождества между лексическими единицами, образующими оксюморонное сочетание.

Подтверждено, что экспрессивность оксюморона заключается в возможности оценочного, образного обозначения объекта действительности, понятия, выражения его предметно-логического значения с помощью интенсификации признаков, которые обозначают стержневая и зависимая лексемы словосочетания. Доказано, что оксюморонное словосочетание является выразителем определенной экспрессивно-стилистической окраски. Оксюморон понимается как троп, соединяющий в себе два контрастных по значению слова для выражения нового понятия или явления, привлекая внимание к его противоречивой природе.

Отмечено, что в основе лингвистического механизма оксюморона заложено отрицание семантики одного слова другим, что обеспечивает расстановку акцента на какой-либо характерной черте, которую номинируют лексической единицей, входящей в состав оксюморона, что предоставляет автору возможность сделать ее более яркой и заметной для адресата.

Ключевые слова: троп, стилистическая фигура, оксюморон, индивидуально-авторский стиль.

Катерина ШКИЛЬ,
orcid.org/0000-0002-3967-9730аспірант
Института мовознавства імені О. О. Потебні
Національної академії наук України
(Киев, Украина) shkil_ekaterina@ukr.net**ОКСИМОРОН ЯК ЗАСІБ ВІДОБРАЖЕННЯ
ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСЬКОГО СТИЛЮ (НА МАТЕРІАЛІ ПОЕЗІЇ А. ФЕТА)**

У статті подано визначення поняття «оксиморон». У дослідженні ставиться завдання розглянути оксиморон як засіб віображення індивідуально-авторського стилю А. Фета. Проаналізовані та типологізовані конструкції з використанням оксиморона, які формують індивідуально-авторський стиль А. Фета.

Ідіостиль відображує мовну особистість автора, художнє виховання якого малює індивідуальну картину світу за допомогою індивідуального використання мови. Ідіолектна особистість становить для дослідників особливий інтерес, у зв'язку із чим поняття ідіостилю як мовного засобу реалізації ідіолектної особистості перебуває в центрі уваги лінгвістів.

Установлено, що оксиморон, як будь-який троп, має складну структуру, у яку поряд із зовні вираженими мовними одиницями входить елемент побудови виразного сенсу, що виникає внаслідок одночасного прояву відносин контрасту і тотожності між лексичними одиницями, які утворюють оксиморонне словосполучення.

Підтверджено, що експресивність оксиморона полягає в можливості оцінного, образного позначення об'єкта дійсності, поняття, вираження його предметно-логічного значення за допомогою інтенсифікації ознак, які позначаються стержневою і залежною лексемами словосполучення. Доведено, що оксиморонне словосполучення

є виразником певного експресивно-стилістичного забарвлення. Оксиморон розуміється як троп, що поєднує в собі два контрастні за значенням слова для вираження й опису нового поняття або явища, привертає увагу до його суперечливої природи.

Відзначено, що в основі лінгвістичного механізму оксиморона закладено заперечення семантики одного слова іншим, що забезпечує розміщення акценту на будь-якій характерній рисі, яку номінують лексичною одиницею, що входить до складу оксиморона, і тим самим дає автору змогу зробити її більш яскравою і помітною для адресата.

Ключові слова: троп, стилістична фігура, оксиморон, індивідуально-авторський стиль.

Kateryna SHKIL,

orcid.org/0000-0002-3967-9730

Postgraduate Student

O. O. Potebnia Institute of Linguistics
of the National Academy of Sciences of Ukraine
(Kyiv, Ukraine) shkil_ekaterina@ukr.net

OXYMORON AS A METHOD FOR DISPLAYING AN INDIVIDUAL AUTHOR STYLE (ON THE MATERIAL OF A. FET'S POETRY)

The article is devoted to the study of the concept "oxymoron". The article aims to consider the oxymoron as a way of displaying the individual author style of A. Fet. Designs using oxymoron that form the individual author style of A. Fet are analyzed and typologized.

The idiosyle reflects the linguistic personality of the author, whose artistic education paints an individual picture of the world through the individual use of language. The idiolective personality is of particular interest to researchers, in connection with which the concept of idiolective as a linguistic means of realizing an idiolective personality is at the center of interest of linguists.

It has been established that an oxymoron, like any trope, has a complex structure, which, along with externally expressed linguistic units, includes an element of constructing an expressive meaning arising from the simultaneous manifestation of relations of contrast and parity between lexical units that form an oxymoronic combination.

It has been confirmed that the expressiveness of oxymoron lies in the possibility of an evaluative, figurative designation of an object of reality, a concept, expression of its subject-logical meaning using the intensification of features that are denoted by the core and dependent lexemes of the phrase. It has been proven that an oxymoronic phrase is an exponent of a certain expressive and stylistic coloring. An oxymoron is understood as a trope that combines two contrasting words to express a new concept or phenomenon, drawing attention to its contradictory nature.

It is noted that the basis of the linguistic mechanism of an oxymoron is the negation of the semantics of one word by another, which provides an emphasis on any characteristic feature that is nominated as a lexical unit that is part of the oxymoron, which provides the author with the opportunity to make it more vivid and noticeable to the addressee.

Key words: trope, stylistic figure, oxymoron, individual author style.

Постановка проблеми. Большой интерес для изучения поэтического языка в системе конкретного идиостиля представляет оксюморон как стилистическая фигура, которая является соединением двух противоречивых понятий, исключающих друг друга. Художественный текст воспринимается адресатом не только как содержательная и структурная целостность, но и как особый когнитивно-речевой процесс, в котором отражены авторские интенции, маркированность лексических и фразеологических средств, способы сочетания слов в тексте, вследствие чего создаются особые художественные коннотации и экспрессивность, а также неповторимая языковая картина мира писателя (Гуйванюк, 2011: 48).

Анализ исследований. В изучение оксюморона как фигуры, используемой с целью усиления образности языка и подчеркивания художественной выразительности речи, большой вклад внесли

В. Москвин, Н. Халиков, Э. Шестакова. Семантику оксюморонов исследовали Н. Павлович, В. Пастухова, О. Сингаевская. Роли оксюморона в тексте художественной литературы уделили внимание Н. Бобух, Ф. Пустова, А. Тараненко и другие.

Цель статьи – выявление и осмысление особенностей и специфической сущности оксюморона, а также его стилистической роли относительно художественно-выразительной функции. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач: рассмотрение функции оксюморона; выявление особенностей употребления оксюморона как специфического средства поэтического языка, изучение языковых приемов оксюморона; выделение и типологизирование конструкций с использованием оксюморона в поэтическом языке А. Фета.

Объектом исследования является оксюморон как стилистическая фигура, образующая

ся с помощью соединения противоположных по содержанию контрастных понятий, дающих новые представления.

Предметом исследования являются типы оксюморонов, представленные в натурфилософской лирике А. Фета.

Изложение основного материала.

1. Оксюморон как стилистический прием

Уже в эпоху античности оксюморон рассматривался как средство для создания новизны, основой которого является парадоксальное поэтическое мышление.

В традиционном понимании оксюморон – это фигура, состоящая из соединения двух понятий, противоречащих и логически исключающих друг друга (Розенталь, 1985: 175). «Словарь литературоведческих терминов» характеризует оксюморон как один из художественных тропов, сочетание противоположных по смыслу определений, понятий, в результате которого возникает новое смысловое качество (Словарь литературоведческих терминов, 1974: 259).

Оксюморон представляет собой средство создания алогизма в художественном контексте, основанное на противоречии. Оксюморон раскрывает противоречивость описываемого явления, поскольку является «фигурой речи, соединяющей два антонимичных понятия или два слова, противоречащих друг другу по смыслу» (Ахманова, 1969: 286), а также трактуется как «троп, являющийся соединением двух контрастных по значению слов» (Арнольд, 2006: 136).

В «Литературной энциклопедии» оксюморон определяется как самостоятельная «стилистика фигура, являющаяся полярным сочетанием противоречивых понятий» (Литературная энциклопедия, 1925: 529–530). Оксюморон является особой разновидностью контраста, так называемым «слитым контрастом» (Шестакова, 2009: 127). Именно на этой семантической основе происходят соотношение и разграничение оксюморона с такими близко родственными ему явлениями, как катахреза и антитеза.

Принципы разграничения оксюморона и антитезы были предложены В. Москвиным. Исследователь выделил три критерия разграничения оксюморона и антитезы.

Первым критерием является смысловой, заключающийся в противопоставлении антитезой разных объектов. Оксюморон же приписывает противоположные качества одному предмету или явлению.

Второй критерий называется трансформационным. В случае принадлежности анализируемого

сочетания слов к разряду оксюморонных сочинительная связь легко может быть заменена подчинительной. Возможность трансформации говорит о том, что перед нами не антитеза, а оксюморон.

Третьим является подстановочный критерий. Конструкции, содержащие оксюморон, имеют противительное-уступительное значение, отсюда и возможность подстановки слов (частиц и устойчивых предложно-падежных сочетаний) с этим значением: *тем не менее, вместе с тем, в то же время, при этом, все же, все-таки* и других (Москвин, 2000: 92–93).

Катахреза, в отличие от оксюморона, представляет собой троп, заключающийся в сочетании противоречивых, но не контрастных по природе слов в переносном значении, которые представляют своеобразное смысловое единство и создают образ. На основании этого выделяется особая разновидность оксюморонов – «ходячие оксюмороны обыденной речи»: *живой труп, красноречивое молчание, выйти сухим из воды* (Литературная энциклопедия, 1925: 529–530).

Разграничиваются оксюморон в собственном смысле слова и сложный образ, возникающий, во-первых, «в результате психологического феномена окрашенного слуха (*audition coloree*)», во-вторых, функционирующий как «явление стилистического порядка»: *зеленый шум, малиновый звон* (Литературная энциклопедия, 1925: 529–530).

Также выделяется и отдельный тип оксюморона – синестетический оксюморон, то есть стилистическое средство, в котором сочетаются противоположные по смыслу понятия, отраженные различными ощущениями: *ледяная пустыня* (Мельхо, 2010: 17). Современные исследователи рассматривают оксюморон как «микромодель гротескной образности» (Мельхо, 2010: 17).

Л. Мацко отмечает, что в основе оксюморона лежит «философское понимание мира как единства противоположностей» (Мацко, 2003: 367).

Оксюморон также определяется как «фигура речи, состоящая в намеренном сочетании слов с противоположными или просто взаимоисключающими значениями для выражения нового целостного понятия или отдельного явления, в оригинальной форме привлекая внимание к его противоречивой природе. В основе оксюморона часто лежит сочетание двух антонимов» (Українська мова: енциклопедія, 2004: 752).

Е. Клюев отмечает, что оксюморонами можно назвать «троп, где объединяются понятия, которые на первый взгляд можно назвать диаметрально противоположными и логически несовместимыми». Однако с их помощью образуется

новая, сложная, в определенной степени противоречивая, однако «невосприимчиво-воспринимаемая» яркая мысль, создается новое смысловое качество, неожиданный экспрессивный эффект (Клюев, 2001: 199). Оксюморон притягателен прежде всего тем, что он – «явная и концентрированная форма словесной оппозиции», которая нарушает, а в большинстве случаев и разрушает сложившиеся ценностно-нормативные, логически детерминированные системы (Шестакова, 2009: 127).

Оксюморон является результатом слияния контрастных значений. В «Литературной энциклопедии» дано следующее определение оксюморона именно как литературоведческого явления: «Оксюморон – термин античной стилистики, обозначающий нарочитое сочетание противоречивых понятий. Для оксюморона характерна подчеркнутая противоречивость сливаемых в одно значений» (Литературная энциклопедия, 1934: 270–271).

По своей функциональной направленности оксюморон, наряду с другими средствами создания алогичности художественного текста, реализует следующие основные функции: 1) создает имплицитную характеристику героев повествования; 2) дает необычное и алогичное представление об окружающей действительности; 3) актуализирует авторскую оценку описываемых событий и явлений; 4) высвечивает проблемы объективной реальности, обнажает проблемы бытия; 5) опосредованно передает философские идеи произведения (Яшина, 2010: 831).

Основной стилистической функцией оксюморона, как отмечает И. Гальперин, является «функция авторской оценки, авторского отношения к описываемому» (Гальперин, 1981: 132).

«Оксюморон раскрывает противоречивость описываемого явления, поскольку представляет собой «фигуру речи, соединяющую два антонимичных понятия или два слова, противоречащих друг другу по смыслу» (Ахманова, 1969: 286).

«Оксюморон реализуется в рамках словосочетания и предполагает сознательное использование автором непрямого номинации смысла. Он относится к фигурам противоположности, в основе которых заложен принцип совмещения лексических значений, обуславливающий возникновение третьего предметно-смыслового образа» (Брандес, 2004: 176).

«Для оксюморона характерно намеренное использование противоречия для создания стилистического эффекта; с психологической точки зрения оксюморон представляет собой способ

разрешения необъяснимой ситуации» (Коротченко, 2008: 33).

«Большая советская энциклопедия» определяет оксюморон как «литературно-стилистический прием, заключающийся в нарочитом сближении и сочетании слов противоположного и противоречивого значения» (Большая советская энциклопедия, 1939: 31). Функция оксюморона заключается в том, что он «нередко придает речи парадоксальный характер» (Большая советская энциклопедия, 1939: 31).

«Малая советская энциклопедия» не определяет природу оксюморона, а характеризует его как «сочетание контрастных слов, принимающих новое смысловое содержание» (Малая советская энциклопедия, 1931: 377).

По замечанию Ж. Марузо, отличительной чертой оксюморона как античного стилистического приема является его «непоследовательность», из которой вытекает тонкий характер словосочетания, соединяющего в себе противоположные по значению слова (Марузо, 1960: 186). Исследователь обращает внимание на зависимость связи компонентов оксюморона с его эмоциональной, смысловой значимостью, эстетическим эффектом.

В «Поэтическом словаре» А. Квятковского оксюморон представляет собой «стилистическую фигуру, сочетание контрастных по значению слов, создающих новое понятие или представление» (Квятковский, 1966: 181).

«Словарь лингвистических терминов» О. Ахмановой дает такое определение оксюморона: это «стилистическая фигура, составленная в соединении двух антонимических понятий (двух слов, противоречащих по смыслу)» (Ахманова, 1969: 286).

Результатом взаимодействия компонентов оксюморона является образование не просто нового понятия или смысла, а «нового смыслового целого» (Большая советская энциклопедия, 1974: 357), то есть в оксюмороне подчеркивается внутренняя смысловая целостность как необходимое условие его жизненности. Оксюморон может быть разновидностью парадокса» (Большая советская энциклопедия, 1974: 357).

Оксюмороны встречаются, как правило, в поэтических произведениях, всегда содержат элемент неожиданности (Словарь литературоведческих терминов, 1974: 252).

С. Кормилов отмечает, что «оксюморон считают также разновидностью антитезы, однако антитеза – противопоставление понятий и явлений, их принципиальное разграничение, то есть

ее функция фактически противоположна функции оксюморона» (Шестакова, 2009: 133).

Кроме того, исследователь предлагает определять оксюморон как стилистическую небрежность, которая может возникнуть в тексте непреднамеренно, как проявление закономерностей и особенностей мира художественного произведения (Шестакова, 2009: 133). Оксюморон, как и антитеза, строится на противоположностях, но они не противопоставлены, а слиты, отражают противоречивость явлений жизни, они парадоксальны, логически исключают друг друга (Розенталь, 1985: 175).

По мнению ряда ученых, «оксюморонные отношения могут возникать и между словами или словосочетаниями а) сочиненными, б) соподчиненными, в) словами, входящими в предикативные отношения» (Цветаева, 1990: 196).

Таким образом, структуру оксюморона составляют две или несколько контрастных лексем, которые находятся, как правило, в антонимичных отношениях. На основе этого характерной особенностью оксюморона лингвисты называют «антонимичность его компонентов» (Халиков, 1982: 100).

Специфика значения и взаимосвязи компонентов оксюморона определяются с лингвистических позиций как семантическое соотношение главного и зависимого, определяемого и определяющего. Оксюморон может восприниматься в тексте и как нечто искусственно привнесенное, вследствие этого он теряет свою естественность.

2. Типология оксюморонов в поэзии А. Фета

Исследователи относят к оксюморонным синтагмам высказывания с тремя и более компонентами, экспрессивный эффект которых основывается на сближении слов, называющих понятия, исключаящие друг друга (Бобух, 2009: 345). В поэтической речи оксюморонные синтагмы приобретают особую выразительность. Н. Бобух утверждает: «Оксюморон может образовываться путем соединения глагола с именем существительным, глагола с наречием и деепричастием» (Бобух, 2009: 7).

Оксюморонные синтагмы образуют сложную систему средств, выполняющих оценочно-описательную функцию, что позволяет автору создать контрастную характеристику персонажей, предметов, процессов и действий, воссоздать сложность и противоречивость изображаемых явлений, ведь «в основе поэтического языка <...> лежит особый характер конкретно-чувственного видения мира, ориентация на эмоционально-эстетическое его восприятие» (Ермоленко, 1999: 323).

Наиболее распространенные конструкции оксюморонов, встречающиеся в творчестве А. Фета, можно назвать эпитетами-оксюморонами. Эпитеты-оксюмороны – это сочетание связанных между собой подчинительной связью слов с противоположными значениями (Чабаненко, 2002: 133).

С точки зрения семантики основой построения оксюморонов могут являться различные противопоставления. Полное противопоставление понятий характеризуют а) разнокорневые антонимы: *увядшая краса*; б) аффиксальные антонимы: *смерть – бессмертный храм*. К частичному противопоставлению относятся: а) противопоставления отдельных сем понятия: *горькая сладость*; б) несовместимость отдельных и стилистических коннотаций.

По принадлежности стержневого компонента к определенному лексико-грамматическому разряду можно выделить следующие разновидности оксюморонных синтагм: субстантивные, адъективные, глагольные, инстантивные.

В субстантивных оксюморонных синтагмах главный компонент выражен именем существительным. Форму и содержание оксюморонного высказывания подчеркивают конструкции, в которых главный и зависимый компоненты – субстантивы с разветвленной системой зависимых членов, указывающих на переосмысление ключевого слова оксюморонной синтагмы: *светлая грусть, звуки тишины, радость страданья, тоской как счастьем, ночь светла*.

Оксюморонные синтагмы со структурой двусоставного предложения, между компонентами которых имеются отношения предикативности, представлены в натурфилософской лирике А. Фета. Формальным средством их реализации являются соединения, в которых компоненты оксюморона выполняют синтаксические функции, подлежащего и сказуемого, соединения с предикативной связью, образованные сочетанием существительного (или субстантивированного прилагательного) в именительном падеже и глагола настоящего или прошедшего времени. Например: *Я понял те слезы, я понял те муки, / Где слово немеет, где царствуют звуки <...>* (А. Фет. «Я видел твой млечный, младенческий волос <...>»).

В адъективных оксюморонных синтагмах главная лексема выражена прилагательным: *Невнятный смысл умолкнувших речей <...>* (А. Фет. «Когда опять по камням заиграет <...>»), *И радостен для взгляда / Весь траурный наряд* (А. Фет. «Печальная береза»).

В глагольных оксюморонных синтагмах грамматически независимый компонент выражен

глаголом: *Я плачу сладостно, как первый иудей* (А. Фет «Когда мои мечты за гранью прошлых дней <...>»).

Реализацию оксюморонных синтагм в поэзии А. Фета можно наблюдать в пределах сложных слов: *И болью сладостно-суровой / Так радо сердце вновь занить* <...> (А. Фет. «Опять осенний блеск денницы <...>»), *Томительно-сладким, безумно-счастливым / Я горем в душе опьянён* <...> (А. Фет. «Не нужно, не нужно мне проблесков счастья <...>»), *Как юно-нетленные звёзды* <...> (А. Фет. «Как ясность безоблачной ночи <...>»), *Только маятник грубо-насмешливо меряет время* (А. Фет. «Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури <...>»), *В недоуменье детски-грубом* (А. Фет. «Не смейся, не дивися мне <...>»), *Богоравная Сивилла / Вечно-юная живет* (А. Фет. «Говорили в древнем Риме <...>»).

Оксюморонные синтагмы также реализуются в пределах атрибутивных словосочетаний со сравнительным оборотом: *Ночь светла как день* (А. Фет «Теплым ветром потянуло <...>»), *Как речь безмолвная могилы / Горячку сердца холодит* <...> (А. Фет. «Ивы и березы»); объектных словосочетаний: *Томительно-сладким, безумно-счастливым / Я горем в душе опьянён* <...> (А. Фет. «Не нужно, не нужно мне проблесков счастья <...>»); обстоятельственных словосочетаний: *И о том, что я молча* твержу (А. Фет. «Я тебе ничего не скажу»), *Пусть умру я, распевая* <...> (А. Фет. «Безобидней всех и проще <...>»).

Оксюморонные синтагмы в поэзии А. Фета также имеют место в пределах сочинительных словосочетаний как смыслового и грамматического объединения двух или более полнозначных лексем: *И сладко дремать мне – и грустно* <...> (А. Фет. «Сосна так темна, хоть и месяц <...>»), *Что светит и мощно и нежно* <...> (А. Фет. «Сегодня все звезды так пышно <...>»), *В нем жизни блеск и неподвижность смерти* (А. Фет. «Сон»), *Радость и светлая грусть* <...> (А. Фет. «Странное чувство какое-то в несколько дней овладело <...>»), *И не слышат – слышит только соловей* <...> / *Да и тот не слышит, – песнь его громка* <...> (А. Фет. «Люди спят, мой друг, пойдем в тенистый сад <...>»), *Шумно, и жутко, и грустно, и весело* <...> (А. Фет. «Ель рукавом мне тропинку завесила <...>»), *И верится, и не хочу я верить* <...> (А. Фет. «Не отнеси к холодному бесстрастью <...>»), *И вот портрет! и схоже и несхоже* <...> (А. Фет. «К портрету графини С. А. Толской»), *Перекрёсток, где ракушка / И стоит и спит* <...> (А. Фет. «Перекрёсток, где ракушка <...>»), *Они манят и све-*

жестью пугают (А. Фет. «В степной глуши, над влагой молчаливой <...>»), *Час спасенья, яркий, нежный, / Словно плачет и смеется* (А. Фет. «После бури»), *И плакать бы хотел – и плакать не умею!* (А. Фет. «В саду»), *Как-то пугливо и сладостно сердце щемит* <...> (А. Фет. «Руку бы снова твою мне хотелось пожать! <...>»).

Оксюморонные синтагмы, составляющие которых, имея различное морфологическое выражение, соотносятся с оппозициями, где оба компонента используются как символы определенных понятий, то есть с символическими антонимами. В содержательной структуре таких соединений, кроме общей семы, имеют место несовместимые контрарные семы, которые одновременно взаимно исключают и дополняют друг друга.

Наличие оксюморонных синтагм в поэзии А. Фета можно наблюдать и в пределах предложений как единиц языка, представляющих собой грамматически организованное соединение слов, обладающее смысловой и интонационной законченностью: *Что, жизнь любя, не в силах жить* (А. Фет. «Опять осенний блеск денницы <...>»), *Средь полудня вечерняя мгла* <...> (А. Фет. «Зной»), *Зачем под прохладой так знойно / В лицо мне заря задышала?* <...> (А. Фет. «Сегодня все звезды так пышно <...>»), *Вздохи дня есть в дыханье ночном* <...> (А. Фет. «Вечер»), *И радостен для взгляда / Весь траурный наряд* (А. Фет. «Печальная береза»), *Росою счастья плачет ночь* (А. Фет. «Не упрекай, что я смущаюсь <...>»), *Но, если жить и праздному так трудно* <...> (А. Фет. «А. А. Тимирязеву»), *Холодную красой / Пугать иные поколения* (А. Фет. «Сосны»), *Знай, что из смерти живые / Выглянут розы* <...> (А. Фет. «Ежели осень наносит <...>»), *И гасит ночь в руке дрожащей дня* (А. Фет. «Встаёт мой день, как труженик убогой <...>»), *Средь полудня вечерняя мгла* <...> (А. Фет. «Зной»), *Твой светлый ангел шепчет мне / Неизречённые глаголы* <...> (А. Фет. «Я потрясен, когда кругом <...>»), *Но широко в область ночи / День объятия раскинул* <...> (А. Фет. «Зреет рожь над жаркой нивой <...>»).

В натурфилософской лирике А. Фета выделяются также оксюмороны, реализующие пространственные понятия: *Широко раскидалась лазурная высь* <...> (А. Фет. «Благовонная ночь, благодатная ночь <...>»), *Так привольно, так радостно-близко* <...> (А. Фет. «Через тесную улицу здесь в высоте <...>»). Сочетание семантически несовместимых лексем с локативным значением позволяет подчеркнуть сложность и противоречивость изображаемого факта.

Оксюмороны делают поэтический язык А. Фета разнообразным и характеризуют вкусовые свойства: *Окружусь я тогда горькой сладостью роз!* (А. Фет. «Хоть нельзя говорить, хоть и взор мой поник <...>»).

В данном оксюморонном словосочетании эпитет *горький* репрезентирует значение «неприятный, тяжелый, полный горя, беды», а лексема *сладость*, наоборот, характеризует мысли и чувства человека, которые выражают счастье, радость, наслаждение.

В исследуемых поэтических текстах А. Фета зафиксированы оксюморонные синтагмы с предикативной связью, компоненты которых представляют значение отождествления противоположностей и имеют одинаковое морфологическое выражение. Глагол-связка в формах настоящего времени в большинстве случаев отсутствует: *Смерть – его бессмертный храм* (А. Фет. «Смерть»).

Также в поэзии А. Фета фигурируют оксюмороны со структурой определенно-личного предложения: *Я в жизни обмирал и чувство это знаю <...>* (А. Фет. «Смерти»).

Оксюмороны, между компонентами которых имеются предикативные отношения, с указательной частицей *это* в препозиции ко второму члену синтагмы в поэзии А. Фета отсутствуют.

Наличие глаголов – одна из основных составляющих синтаксической доминанты идиостиля А. Фета. Для натурфилософской лирики А. Фета наиболее характерными являются оксюмороны со структурой простого предложения, осложненного обособленными обстоятельствами, выраженные деепричастными оборотами: *Невнятный смысл умолкнувших речей <...>* (А. Фет. «Когда опять по камням заиграет <...>»), *В говорящей так ясно тиши* (А. Фет. «Благовонная ночь, благодатная ночь»), *Этот цвет обмирающих зов* (А. Фет. «Чуя внушенный другими ответ <...>»); оксюмороны со структурой простого предложения, осложненного сравнительными (компаративными) оборотами: *Как речь безмолвная могилы, горячку сердца холодит <...>* (А. Фет. «Ивы и березы»), *Чем старе оно, тем свежей <...>* (А. Фет. «Alter ego»).

В процессе исследования структурных моделей указанного типа выявлено, что они уточняют и формируют развернутое многоаспектное семантическое пространство изображаемых понятий. Как отмечает Л. Мацько, «синтаксис благодаря своему конструктивному характеру (способность к построению новых структур с лексического и морфологического материала) имеет большие стилистические возможности» (Мацько, 2003: 60).

Анализируя сложные оксюморонные синтагмы указанного типа, исследователи приходят к выводу, что оксюморонное значение в таких моделях развивается благодаря расширению семантического пространства составляющих и связано с динамичным, самоуглубленным процессом мышления человека, которое приводит к усложненности семантики за счет многоаспектных противопоставляемых отношений между понятиями (Новиков, 1995: 112).

По замечанию Э. Шестаковой, выделяется микроконтекстуальное оксюморонное поле, которое исследователь определяет как неделимую целостность, значение которой не может быть частично выведено из семантики составляющих оксюморонной синтагмы. Речь идет не о механической сумме лексических значений компонентов оксюморона. Семантика таких синтаксических структур всегда сложная, глубокая, раскрывается через ассоциативные связи. Она основывается также на побочной чувственной тональности слов, словесно-культурной памяти, благодаря которым оксюморон становится живым, внутренне целостным, структурно организованным и композиционно завершенным (Шестакова, 2009: 127).

В указанных конструкциях образы всегда связаны между собой, предусматривают друг друга: это единство, где каждый следующий компонент оксюморона впитывает в себя все значения предыдущего, осмысливает их, подводит итог и одновременно развивает заложенные в предыдущие оксюморон мысли, требуя развития для себя (Шестакова, 2009: 138).

Оксюмороны в поэзии А. Фета имеют разную морфолого-синтаксическую структуру: это сложные слова, словосочетания и предложения. Широкое использование оксюморонов свидетельствует об авторском стремлении обновить, расширить изобразительно-выразительный потенциал языка, о поиске экономной и содержательной формы создания образа, попытке найти в слове новые оттенки значения.

Языковое новаторство А. Фета иллюстрируют экспрессивные и сложные номинации, введенные в контекст с определенной целью – подчеркнуть уникальность и ценность каждого мгновения жизни, повседневную неповторимость, актуализировать не выраженные ранее качества определенных реалий.

Использование сложных слов-оксюморонов объясняется тем, что язык поэзии тяготеет к словесной игре и словосложению – одному из самых распространенных способов создания новых лексем.

В поэтическом тексте А. Фета имеют место оксюморонные конструкции, компоненты которых выражают следующие значения:

– сочетания противоположностей: *И верится, и не хочу я верить* <...> (А. Фет. «Не отнеси к холодному бесстрастью <...>»), *И вот портрет! и схоже и несхоже* <...> (А. Фет. «К портрету графини С. А. Толстой»), *Но так нескромно всё в уединеньи скромном* <...> (А. Фет. «О, этот сельский день <...>»), *Отчего с ним, хоть его бегу я* <...> (А. Фет. «От чего со всеми я любезна <...>»);

– тождества противоположностей: *Ты – это ведь я сам* (А. Фет. «Ничтожество»);

– сравнения или сопоставления противоположностей: *Ночь светла как день* (А. Фет. «Теплым ветром потянуло <...>»);

– отрицания противоположностей: *Я не я; Слышит только соловей* <...> / *Да и тот не слышит* <...> (А. Фет. «Люди спят, мой друг, пойдем в тенистый сад <...>»);

– контаминации: *Я нежно, грустно рад* <...> (А. Фет. «И снова голос нежный <...>»), *Что было сладко, – горько стало* (А. Фет. «Давно в любви отрады мало <...>»), *А безумствовать – разумно* (А. Фет. «Завтра – я не различаю <...>»).

Выводы. Оксюморон является наиболее эффективным способом усиления экспрессии. Значение оксюморона – синтез значений его составляющих элементов. В зависимости от того, какая лексема оксюморона является главной, а какая второстепенной, значение единицы может изменяться. Оксюморон представляет собой троп, в котром соединяются понятия, на первый взгляд считающиеся диаметрально противоположными и логически несовместимыми. Однако с их помощью образуется новая, сложная, в определенной степени противоречивая, но яркая мысль, полнее воспроизводятся сложность и противоречивость изображаемых явлений, достигается большая художественная выразительность текста, создается новое смысловое качество и неожиданный экспрессивный эффект.

В поэзии А. Фета встречаются оксюморонно-словосочетания с сочинительной связью частей. В таких конструкциях грамматически независимые компоненты сочетаются сочинительными союзами в одно смысловое и структурное целое по принципу обязательной морфологической однотипности.

Оксюморонные синтагмы являются одним из доминирующих элементов поэтического идиостиля А. Фета. Основная форма таких единиц – подчиненные словосочетания (субстантивные, адъективные, глагольные). Оксюморонные словосочетания являются сложными словами

и предложениями, выполняющими различные семантические функции. Выразительность определенных стилистических эффектов обеспечивает именно приоритет коннотативных значений слов в структуре поэтического текста.

Наиболее употребительную группу оксюморонных словосочетаний в поэзии А. Фета составляют оценочные названия эмоций, состояний и явлений природы.

Оксюморон строится на всех видах подчинения: а) согласовании: *И я люблю, увядшая краса* <...> (А. Фет. «Италия»), *Свет ночной, ночные тени* <...> (А. Фет. «Шепот, робкое дыханье <...>»), *Полночный свет, ты тот же день* <...> (А. Фет. «Какая ночь! Как воздух чист <...>»), *Как речь безмолвная могилы* <...> (А. Фет. «Ивы и березы»), *И при луне на жизненном кладбище / Страшна и ночь, и собственная тень* <...> (А. Фет. «Еще одно забывчивое слово <...>»), *Ты втайне поняла души смешную муку* <...> (А. Фет. «Тебе в молчании я простираю руку <...>»), *Ведь это страстные, блаженные рыдания!* <...> (А. Фет. «А. Л. Бржевской»); б) управлении: *Вечно восторга блистают слезами* <...> (А. Фет. «Поэтам»), *Но верен сладостной тревоге* <...> (А. Фет. «Отъезд»), *В страданьи блаженства стою пред тобою* <...> (А. Фет. «В страданьи блаженства стою пред тобою <...>»), *И мукой блаженства исполнены звуки* <...> (А. Фет. «В страданьи блаженства стою пред тобою <...>»), *Точно грёзы больные бессонных ночей* <...> (А. Фет. «Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть <...>»), *И опять в полусвете ночном* <...> (А. Фет. «На качелях»); в) примыкании: *Только маятник грубо-насмешливо меряет время* <...> (А. Фет. «Истрепалися сосен мохнатые ветви от бури <...>»).

Основной тип оксюморонов в поэзии А. Фета представлен сочетанием неодушевленных существительных с глаголами третьего лица, обозначающими свойства человека. Следовательно, оксюморон рассматривается не только как обобщенная, статическая и закреплённая мысль, но и как отображение самого процесса формирования, переживания, постижения каких-либо состояний.

Основной секрет неповторимости поэзии лежит в новой сочетаемости лексем, в самобытных синтаксических построениях. Лексеммы в оксюморонных сочетаниях представляют противоположные качества, состояния, действия одного предмета и явления, которые находятся в разных семантических отношениях.

Таким образом, оксюморон рассматривается и как литературоведческое явление, соотносясь с

катахрезой и антитезой, и как философско-эстетическая категория, близкая, но не тождественная парадоксу, и как явление, пограничное с лингвистикой. Данная стилистическая фигура усиливает выразительность художественного текста, позволяет в необычной форме раскрыть сложность и противоречивость изображаемого явления.

Оксюморон позволяет подчеркнуть самобытность лирического героя, сложность его мироощущения, передать его противоречивое отношение к миру. Оксюморон (благодаря своим функциональным возможностям) моделирует художественное пространство поэтического текста, проникает в отдельные эпизоды поэтического целого, составляет смысловой эпицентр отдельных деталей в рамках образов-персонажей.

Оксюморон является одним из эффективных способов познания и оценки окружающей действительности. При помощи оксюморонных синтагм А. Фет передает противоречивую сущность изображаемых предметов, явлений, образов.

Таким образом, суть оксюморона заключается в умышленном объединении слов с противоположными или взаимоисключающими значениями для выражения нового целостного понятия или явления в оригинальной форме.

ложными или взаимоисключающими значениями для выражения нового целостного понятия или явления в оригинальной форме. В основе оксюморона лежит объединение двух слов или двух антонимов для достижения парадокса, обусловленного конфликтом между ядерными значениями слов.

Оксюморон является наиболее яркой фигурой речи, которая передает несовместимые и противоречивые представления о жизни и жизненном опыте.

Анализ фактического материала дает основания для выделения таких разновидностей оксюморонных синтагм: со структурой простого предложения и со структурой сложного предложения с различными видами связи.

Структурно-грамматический анализ оксюморонных синтагм в поэтических текстах показал, что для поэзии А. Фета характерны наличие осложненных конструкций, ассоциативная раскованность в процессе языковой эстетизации действительности, что приводит к употреблению оригинальных авторских оксюморонных синтагм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арнольд И. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов. Москва : Флинта ; Наука, 2016. 384 с.
2. Ахманова О. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Бобух Н. Антоніми в поетичній мові ХХ століття: структурно-семантичний, функціонально-стилістичний і лексикографічний аспекти : дис. ... докт. філол. наук: 10.02.01. Київ, 2009. 463 с.
4. Большая советская энциклопедия / под ред. Ю. Шмидта. 1-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1939. Т. 43. 640 с.
5. Большая советская энциклопедия / под ред. А. Прохорова. 3-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1974. Т. 18. 608 с.
6. Брандес М. Стилистика текста. Теоретический курс : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Прогресс-Традиция ; Инфра-М, 2004. 416 с.
7. Гальперин И. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 140 с.
8. Гуйванюк Н. Антитетичні семантико-синтаксичні відношення у надфразовій єдності та тексті. *Studia Linguistica* : збірник наукових праць. Київ : КНУ ім. Тараса Шевченка ; ВПЦ «Київський університет». 2011. Вип. 5. С. 43–50.
9. Данильчук Д. Поетичний синтаксис Василя Стуса в аспекті художньої комунікації : дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Київ, 2006. 169 с.
10. Єрмоленко С. Нариси з української словесності (стилістика та культура мови). Київ : Довіра, 1999. 431 с.
11. Квятковский А. Поэтический словарь / под ред. И. Роднянской. Москва : Советская энциклопедия, 1966. 376 с.
12. Клюев Е. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) : учебное пособие для вузов. Москва : ПРИОР, 2001. 272 с.
13. Коротченко Е., Петренко В. Образная сфера в живописи и литературе. Визуальные аналоги литературных тропов. *Психология* : журнал Высшей школы экономики. Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2008. Т. 5. № 4. С. 19–40.
14. Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов : в 2-х т. / под ред. Н. Бродского и др. Москва ; Ленинград : Френкель, 1925. Т. 2. 1198 с.
15. Литературная энциклопедия / под ред. А. Луначарского. Москва : ОГИЗ, РСФСР, 1934. Т. 8. 736 с.
16. Малая советская энциклопедия / под ред. Н. Мецеракова. Москва : Малая советская энциклопедия ; ОГИЗ, РСФСР, 1931. Т. 6. 527 с.
17. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Пер. с фр. Москва : Издательство иностранной литературы, 1960. 436 с.
18. Мацько Л. Стилїстика української мови / за ред. Л. Мацько, О. Сидоренко, О. Мацько. Київ : Вища школа, 2003. 462 с.

19. Мельхо Х. Типологія засобів відображення синестетичних уявлень людини в постмодерністському художньому дискурсі (на матеріалі англійської та української мов) : автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Київ, 2010. 20 с.
20. Москвин В. Антитеза или оксюморон? *Русский язык в школе*. Москва : Наш язык, 2000. № 2. С. 92–93.
21. Новиков Л. Противопоставление как прием. *Филологический сборник* / под ред. М. Ляпона. Москва : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995. С. 112–117.
22. Розенталь Д., Теленкова М. Словарь-справочник лингвистических терминов / под ред. Д. Розенталя. 3-е изд., испр. и доп. Москва : Просвещение, 1985. 399 с.
23. Словарь литературоведческих терминов : пособие для учителя / под ред. Л. Тимофеева, С. Тураева. Москва : Просвещение, 1974. 509 с.
24. Українська мова : енциклопедія / за ред. В. Русанівського та ін. 2-ге вид. Київ : Українська енциклопедія ім. М. П. Бажана, 2004. 824 с.
25. Фет А. Сочинения в двух томах / под ред. А. Тарховой. Москва : Художественная литература, 1982. Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. Переводы. 575 с.
26. Халиков М. Оксюморон: уровни текстовой реализации и средства языкового выражения (на материале немецкого языка). *Вестник Ленинградского университета*. № 14. История. Язык. Литература. Ленинград : ВЛУ, 1982. Вып. 3. С. 97–102.
27. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. Москва : Художественная литература, 1990. 398 с.
28. Чабаненко В. Стилїстика експресивних засобів української мови. Запоріжжя : ЗДУ, 2002. 351 с.
29. Шестакова Э. Оксюморон как категория поэтики (на материале русской поэзии XIX – первой трети XX в.) : монография. Донецк : НОРД-пресс, 2009. 209 с.
30. Яшина Е. Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2010. Т. 12. № 5 (3). С. 826–831.

REFERENCES

1. Arnold I. V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk : Uchebnik dlya vuzov*. [Stylistics. Modern English: Textbook for Universities]. Moscow : Flinta : Nauka, 2016. 384 p. [in Russian].
2. Akhmanova O. S. *Slovar lingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of linguistic terms]. 2-e izd. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1969. 608 p. [in Russian].
3. Bobukh N. M. *Antonimy v poetychnii movi XX stolittia: strukturno-semantichni, funktsionalno-stylistichni i leksykografichni aspekty* [Antonyms in the poetic language of the twentieth century: structural-semantic, functional-stylistic and lexicographic aspects] : dys. ... doktora filol. nauk : 10.02.01 / Kyivskiy natsionalnyi lingvistichniy universytet, Kyiv, 2009. 463 p. [in Ukrainian].
4. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia] / pod red. Yu. Yu. Shmidta, 1 izd. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1939. T. 43. 640 p. [in Russian].
5. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya* [The Great Soviet Encyclopedia] / pod red. A. M. Prokhorova. 3 izd. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1974. T. 18. 608 p. [in Russian].
6. Brandes M. P. *Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs : Uchebnik*. [Stylistics of the text. Theoretical course: Textbook]. 3 izd., pererab, i dop. Moscow : Progress-Traditsiia, INFRA-M, 2004. 416 p. [in Russian].
7. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. [Text as an object of linguistic research]. Moscow : Nauka, 1981. 140 p. [in Russian].
8. Guivaniuk N. V. *Antytetichni semantiko-syntaksichni vidnoshennia u nadfrazovii yednosti ta teksti* [Antithetic semantic-syntactic relations in supra-phrase unity and text] / *STUDIA LINGUISTICA* : zb. nauk. prats. Kyiv : KNU im. Tarasa Shevchenko; VPTs “Kyivskiy universytet”, 2011. Vyp. 5. pp. 43–50. [in Ukrainian].
9. Danylchuk D. V. *Poetychniy syntaksys Vasylia Stusa v aspekti khudozhnoi komunikatsii* [Poetic syntax of Vasyl Stus in the aspect of artistic communication] : dys. ... kand. filol. nauk : 10.02.01 / Kyivskiy natsionalnyi universytet imeni Tarasa Shevchenka. Instytut filologii, Kyiv, 2006. 169 p. [in Ukrainian].
10. Yermolenko S. Ya. *Narysy z ukrainskoi slovesnosti (stylistyka ta kultura movy)*. [Essays on Ukrainian literature (stylistics and culture of language)]. Kyiv : Dovira, 1999. 431 p. [in Ukrainian].
11. *Kvyatkovskiy A. P. Poeticheskiy slovar* [Poetic dictionary] / pod red. I. B. Rodnianskaia. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 376 p. [in Russian].
12. Klyuyev Ye. V. *Ritorika (Inventsiya. Dispozitsiya. Elokutsiya) : uch. pos. dlya vuzov*. [Rhetoric (Invention. Disposition. Elocution): textbook for universities]. Moscow : PRIOR, 2001. 272 p. [in Russian].
13. Korotchenko Ye. A., Petrenko V. F. *Obraznaya sfera v zhivopisi i literature. Vizualnyye analogi literaturnykh tropov* [Figurative sphere in painting and literature. Visual analogues of literary paths] / *Psikhologiya. Zhurnal vysshey shkoly ekonomiki*. Moscow : Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet “Vysshaya shkola ekonomiki”, 2008. T. 5. № 4. pp. 19–40. [in Russian].
14. *Literaturnaya entsiklopediya. Slovar literaturnykh terminov : v 2 tomakh* [Literary encyclopedia. Dictionary of literary terms: in 2 volumes] / pod red. N. L. Brodskogo i dr. Moscow, Leningrad : Frenkel, 1925. T. 2. 1198 p. [in Russian].
15. *Literaturnaya entsiklopediya* [Literary encyclopedia] / pod red. A. V. Lunacharskogo. Moscow : OGIZ, RSFSR, 1934. T. 8. 736 p. [in Russian].

16. Malaya sovetskaya entsiklopediya [A small Soviet encyclopedia] / pod red N. L. Meshcheryakova. Moscow : Malaya sovetskaya entsiklopediya – OGIZ RSFSR, 1931. T. 6. 527 p. [in Russian].
17. Maruzo Zh. Slovar lingvisticheskikh terminov : per. s fr. [Dictionary of linguistic terms]. Moscow : Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1960. 436 p. [in Russian].
18. Matsko L. I. Stylistyka ukrainskoi movy [Stylistics of the Ukrainian language] / za red. L. I. Matsko, O. M. Sydorenko, O. M. Matsko. Kyiv : Vyshcha shkola, 2003. 462 p. [in Ukrainian].
19. Melkho Kh. B Typologiiia zasobiv vidobrazhennia synestetychnykh uiavlen liudyny v postmodernistskomu khudozhnomu dyskursi (na materiali angliiskoi ta ukrainskoi movy) [Typology of means of reflection of synesthetic representations of man in postmodernist artistic discourse (on the material of English and Ukrainian languages)] : avtoref. dys. na zdobuttya nauk. stupenya kand. filol. nauk : 10.02.01. Kyiv, 2010. 20 p. [in Ukrainian].
20. Moskvina V. P. Antiteza ili oksymoron? [Antithesis or oxymoron?] / *Russkiy yazyk v shkole*. Moscow : Nash yazyk, 2000. № 2. pp. 92–93. [in Russian].
21. Novikov L. A. Protivopostavleniye kak priyem [Opposition as a reception] / *Filologicheskiiy sbornik* / pod red. M. V. Lyapona. Moscow : Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova RAN, 1995. pp. 112–117. [in Russian].
22. Rozental D. E., Telenkova M. A. Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms] / pod red. D. E. Rozentalya. 3 izd., ispr. i dop. Moscow : Prosveshcheniye, 1985. 399 p. [in Russian].
23. Slovar literaturovedcheskikh terminov : posobiye dlya uchitelya [Dictionary of literary terms: a guide for teachers] / pod red. L. N. Timofeyeva, S. V. Turayeva. Moscow : Prosveshcheniye, 1974. 509 p. [in Russian].
24. Ukrainska mova : entsyklopediia [Ukrainian language: encyclopedia] / za red. V. M. Rusanivskogo, O. O. Taranenko, M. P. Ziabliuk ta in. 2-e vyd. Kyiv : Ukrainska entsyklopediia im. M. P. Bazhana, 2004. 824 p. [in Ukrainian].
25. Fet A. A. Sochineniya v dvukh tomakh [Essays in two volumes] / pod red. A. E. Tarkhovoy. Moscow : Khudozhestvennaya literatura, 1982. T. 1. Stikhotvoreniya; Poemy; Perevody. 575 p. [in Russian].
26. Khalikov M. N. Oksymoron: urovni tekstovoy realizatsii i sredstva yazykovogo vyrazheniya (Na materiale nemetskogo yazyka) [Oxymoron: Levels of Textual Implementation and Means of Linguistic Expression (Based on the material of the German language)] / *Vestnik Leningradskogo universiteta*. № 14. Istoriya. Yazyk. Literatura. Leningrad : VLU, 1982. Vyp. 3. pp. 97–102. [in Russian].
27. Tsvetayeva M. I. Stikhotvoreniya. Poemy. Dramaticheskiye proizvedeniya [Poems. Poems. Dramatic works]. Moscow : Khudozhestvennaya literatura, 1990. 398 p. [in Russian].
28. Chabanenko V. A. Stylistyka ekspresyvnykh zasobiv ukrainskoi movy. [Stylistics of expressive means of the Ukrainian language]. Zaporizhzhia : ZDU, 2002. 351 p. [in Ukrainian].
29. Shestakova E. G. Oksymoron kak kategoriya poetiki (na materiale russkoy poezii XIX – pervoy trety XX vekov) [Oxymoron as a category of poetics (based on the material of Russian poetry of the 19th – the first third of the 20th centuries)] : monografiya. Donetsk : NORD-PRESS, 2009. 209 p. [in Russian].
30. Yashina Ye. A. Oksymoron kak sredstvo sozdaniya alogizma v khudozhestvennom tekste [Oxymoron as a means of creating alogism in a literary text] / *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. T. 12, № 5 (3), Samara : SGU, 2010. pp. 826–831. [in Russian].